

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-117-125

EDN: EAOGTA

## Средства репрезентации концепта «дом» в современной подростковой литературе

**Наталья Васильевна Аниськина**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1  
nvaniskina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4642-1893>

**Аннотация.** Статья посвящена универсальному лингвокультурному концепту «Дом», входящему в ядро языкового сознания русских и являющемуся организующим центром мира в русской культуре. Средства репрезентации этого концепта анализируются на примере двух произведений для подростков: романа Дины Сабитовой «Где нет зимы» и повести Ирины Мышковой «Мальчики не плачут». Цель статьи – выявить структурно-семантические особенности концепта *дом* в указанных произведениях на основе сопоставления с традиционной языковой картиной мира. Для проведения анализа использован лингвокогнитивный подход. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о основном наполнении концепта *дом* в романе Д. Сабитовой связано с обретением подростком себя, осознанием своего места (дома) в этом мире. Для репрезентации этого содержания в романе использованы многочисленные оппозиции: уют (душевный покой родного дома) – приют (видимость уюта), двери (новые возможности) – окна (защита от внешнего мира), близкие люди – одиночество, тепло – холод, старое – новое, любовь к дому – формальные родственные связи. Повесть «Мальчики не плачут» построена на иных оппозициях: коридор как место изменений – комнаты как место, где можно спрятаться от окружающих; подмышка отца – свалка в районе Подмышки; дом (семья) – благоустроенная квартира, где живут чужие друг другу люди; искренность – показное благополучие. Обе повести объединяет мысль о том, что путь к дому, к семье – это путь взросления, осознания своей ответственности перед близкими, и пройти этот путь должны все члены семьи.

**Ключевые слова:** концепт «дом»; стереотип; литература для подростков; язык художественной литературы; языковое сознание; языковая картина мира

Работа подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ на НИР «Механизм научно-методического сопровождения педагогов по вопросам формирования функциональной грамотности школьников: трансфер образовательных технологий» (073-00109-22-02)

**Для цитирования:** Аниськина Н. В. Средства репрезентации концепта «дом» в современной подростковой литературе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 117–125. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-117-125>. <https://elibrary.ru/EAOGTA>

Original article

## The means of representing the concept «home» in modern teenage literature

**Natalia V. Aniskina**

Candidate of philological sciences, associate professor, the department of journalism and media communication, Yaroslavl state pedagogical university. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1  
nvaniskina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4642-1893>

**Abstract.** The article focuses on the universal linguocultural concept «home», which is at the core of the Russian linguistic consciousness and is the organizing center of the world in Russian culture. The author analyzes the means of representing this concept in two works for teenagers: Dina Sabitova's novel Where There Is No Winter and Irina Myshkova's story Boys Don't Cry. The article aims to identify the structural and semantic features of the concept «home» in these works through their comparison with the traditional linguistic picture of the world. The analysis is based on the linguistic cognitive approach. The author concludes that the main meaning of the concept «home» in D. Sabitova's novel is associated with the teenager's discovery of his identity, finding his place (home) in this world. To represent this content, the novel uses numerous oppositions: comfort (peace of mind at home) – shelter (the appearance

of comfort), doors (new opportunities) – windows (protection from the outside world), close people – solitude, warmth – cold, old – new, love of home – formal family ties. The story *Boys Don't Cry* is built on different oppositions: corridor as a place of change – rooms as a place to hide from others; father's armpit – a landfill near Podmyshka; home (family) – comfortable apartment where strangers live; sincerity – pretentious well-being. Both stories are united by the idea that the way to your home and family is the way of growing up, realizing your responsibility to your close people, and that all members of the family must go this way.

**Key words:** the concept «home»; stereotype; literature for teenagers; the language of fiction; linguistic consciousness; linguistic picture of the world

The work was prepared within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation for the research work «Mechanism of scientific and methodological support for teachers on the formation of functional literacy of schoolchildren: transfer of educational technologies» (073-00109-22-02)

**For citation:** Aniskina N. V. The means of representing the concept «home» in modern teenage literature. *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(2):117–125. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-117-125>. <https://elibrary.ru/EAOGTA>

## Введение

Концепт *дом* относится к числу ключевых культурных констант и играет важнейшую роль в формировании ценностной картины мира человека. Обращение к этому концепту в данной статье обусловлено несколькими причинами. Во-первых, для когнитивной лингвистики особое значение, по мнению исследователей, имеют именно концепты, отражающие восприятие повседневной жизни [Anderson, 2014, с. 34], в том числе и концепт *дом*. Во-вторых, современная подростковая литература, на материале которой проводилось исследование, стремится отразить прежде всего проблемы и «болевы́е точки», которые наиболее значимы для тех, кого в аннотациях к книгам принято называть «сред. и ст. шк. возрастом».

Материалом для анализа стали роман Дины Сабитовой «Где нет зимы» (2011) и повесть Ирины Мышковой «Мальчики не плачут» (2021). Цель статьи – проанализировать средства репрезентации концепта *дом* в этих произведениях и выявить его структурно-семантические особенности по сравнению с концептом *дом* в традиционной языковой картине мира.

## Теоретические основания исследования

В когнитивной лингвистике под концептом традиционно понимается «вербализованный культурный смысл», «условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Антология, 2005, с. 11, 13]. Важной характеристикой концепта является его ценностность: «центром концепта всегда является ценность» [Антология, 2005, с. 14]. Несмотря на то что существует несколько десятков определений понятия «концепт», наиболее востребованным в лингвокогнитивных исследованиях является определение, предложенное

представителями воронежской школы З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, которые понимают концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин, Попова, 2007, с. 553].

Концепт *дом* часто становится предметом исследования: его исследуют на материале фразеологии и паремий [Тимошенко, 2007], рекламных текстов [Анискина, 2016], результатов ассоциативных экспериментов [Зими́на, Байкова, 2021] и художественных произведений [Демченко, 2019; Валеева, 2019; Ключенкова, 2017; Матвеева, 2021]. Нередко проводят сопоставительное изучение концепта *дом* в языковом сознании представителей различных лингвокультур [Базылова, 2009; Бобровник, 2018; Зими́на, 2021]. Однако работ, посвященных репрезентации этого концепта в подростковой литературе, крайне мало [Вахитов, 2021], хотя сами книги для детей и юношества уже давно стали предметом пристального внимания ученых. В частности, анализу подвергаются актуальные читательские практики и издательские стратегии, формирующиеся под влиянием медиасреды [Никкарева, 2017; Ухова, 2017а; Ухова, 2017б]; способы создания исторической эпохи в детской литературе [Гапонова, 2021; Никкарева, 2020]; ценностные ориентиры в книгах для детей и подростков [Анискина, 2017; Гапонова, Никкарева, 2020].

Необходимость изучения концепта *дом* в подростковой литературе обусловлена его значимо-

стью для становления личности. Именно с домом и семьей связаны не только светлые воспоминания любого человека, но и первые обиды, разочарования, потери.

Концепт *дом*, в отличие от понятия *дом*, «охватывает не только ряд обобщенных существенных признаков данного предмета действительности, но и чувственно-наглядные образы, мыслительные картинки, абстрактные сущности, индивидуальные, ментальные представления о нем, а слова и лексеммы способствуют представлению исследуемого концепта в языке» [Базылова, 2009, с. 214].

Содержание концепта *дом* в традиционной языковой картине мира носителей русского языка, описанное на основе анализа фразеологических единиц и паремий, включает следующие концептуальные признаки: 1) дом – пространство, населенное людьми (ограниченное, но свободное); 2) дом – личное пространство (закрытое, сокровенное, дающее силы); 3) дом – защищенное, укромное пространство (уютное); 4) дом – обжитое пространство (родное, близкое); 5) дом – существо (живое, изменчивое); б) дом – духовное пространство (семейный очаг, средоточие традиций)» [Тимошенко, 2007, с. 276–277]. Очевидно, что все эти компоненты выражают положительную оценку.

Сопоставительные исследования концепта *дом* в разных лингвокультурах позволяют выделить несколько иные ключевые компоненты (микрополя): 1) дом как жилое строение, место проживания; 2) дом как семья; 3) дом как средоточие чувств; 4) дом как убежище; 5) дом как окружающая среда [Зимица, 2021, с. 92]. Однако и в этом случае можно говорить о преобладании компонентов с выраженной позитивной оценкой.

В то же время исследователи нередко подчеркивают двойственность, характерную для этого концепта: дом нередко осознается через противопоставление материального и духовного, своего и чужого, мужского и женского и т. д. [Бобровник, 2018, с. 587].

Рассмотрим, какие новыми компонентами обогащают содержание концепта *дом* книги для подростков.

### Методы исследования

В когнитивной лингвистике обосновано изучение концепта через метафоры, репрезентирующие его [The Contemporary Theory...], и ассоциативные ряды, поскольку такой подход позволяет выявить более глубокие смыслы и связи в структу-

ре концепта [Barsalou, 1992, с. 155]. В данной статье использован лингвокогнитивный подход: анализ осуществляется на основе 1) выделения языковых единиц (лексем, образов, метафор, синонимических рядов, высказываний и т. д.), репрезентирующих исследуемый концепт; 2) выявления структуры концепта, в том числе семантических оппозиций, определяющих смысловые отношения между компонентами концепта.

### Результаты исследования

Выбранные для анализа произведения написаны с разницей в 10 лет, однако оба стали событием в детско-юношеской литературе: роман Д. Сабитовой (2011) уже успели поставить на сцене нескольких театров, несколько раз переиздали, а дебютная повесть И. Мышковой (2021) вошла в шорт-лист литературного конкурса «Книгуру».

Жанр произведения Дины Сабитовой критики нередко определяют, используя оксюморон «реалистичная сказка». Сталкивание противоположностей, эффект обманутых ожиданий, ломка стереотипов становятся важными характеристиками не только стилистики романа, но и структуры исследуемого концепта.

В начале романа дети, Павел и Гуля (главные герои), относятся к дому так, как и положено относиться в их возрасте ко всему старому:

*В нашем доме всегда так, ведь он очень старый, ему уже сто лет. Развалюха, если честно. У нас даже газ не проведен, мы печку топим дровами* [Цит. по: Сабитова, 2018].

В их отношении есть и теплота, и определенное высокомерие, но Павел осознает связь поколений: дом объединяет три поколения семьи, точнее пока три поколения, потому что мальчик знает только о них:

*Я тут живу всю жизнь, мама тут жила всю жизнь и бабушка тоже.*

Дом, в котором живут герои, действительно, необычный. Исследователи концепта *дом* в русской языковой картине мира говорят о значимости таких его элементов, как крыша/ потолок (ср.: *крыша дома*) и стены (*как за каменной стеной*). Но в доме из книги Сабитовой гораздо важнее двери и пол. Дверей здесь очень много. И первая, о которой мы узнаем, находится ... в шкафу. Дело в том, что, как и положено старому дому, в нем есть шкаф. Тот самый «многоуважаемый», существование которого «вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости»:

У нас в проходной комнате стоит старый шкаф с секретером. Дверца секретера откидывается, превращается в столик, и становится виден встроенный шкафчик для бумаг и книг. А дальняя стенка этого шкафчика – зеркало. Чтобы взрослому заглянуть в него, надо или наклониться, или сесть за откидной столик. А когда я, маленький, подходил и заглядывал туда – сразу видел свое отражение.

И мне всегда казалось, что там просто отверстие в другой мир. В котором живет другой Паша, в котором стоит очень похожая на нашу, но другая мебель. Я знал: чтобы туда попасть, надо залезть в секретер и закрыть за собой дверцу. Если постараться и закрыть дверцу поплотнее, чтобы не проникал ни один луч света, то в полной темноте можно незаметно провалиться сквозь зеркало в тот мир.

Читатель уже может решить, что его ждет очередное путешествие в Нарнию или Зазеркалье, но герой так и не воспользовался этой дверью в другой мир, хотя реальный ему и не очень нравился: сначала не решался, а потом вырос и перестал помещаться в секретере.

Но это не единственная дверь из старого дома, еще одной «дверью», точнее окном, в другой мир, становится для Павла чистый холст:

*Когда я вырос, то однажды поймал себя на мысли, что теперь окном в другой мир мне кажется готовый к работе холст.*

И это «окно» на самом деле открывает проход не просто в другой мир – это ход к матери, пусть герой пока и не осознает этого, а мать Павла, художница, так и не успеет узнать, что сын тайком от нее рисует и прячет рисунки на чердаке, думая о том, что когда-нибудь снимет их оттуда. И надо сказать, в один из сложных моментов жизни Павла именно эти рисунки помогут ему найти выход (снова возникает тема дверей) из сложной ситуации.

Несмотря на то что дети не воспользовались дверью в Зазеркалье, сказка окружает их постоянно: кукла Лялька, которую бабушка сшила для Гули, умеет разговаривать. И все положительные герои в книге так или иначе вступают с ней в диалог. Лялька – своего рода лакмусовая бумажка, позволяющая увидеть истинную сущность человека, но полноценно с ней общаются только два человека: сначала бабушка Шура, а потом Гуля. У Павла есть свой «собеседник» – Аристарх Модестович, домовый, в темно-синем сюртуке, с профессорской бородкой. Он не часто появляется в книге осязаемо, но регулярно помо-

гает Паше: подкладывает подсказки, нужные вещи и даже спасает жизнь Гули, покинув ради этого (впервые за сто лет!) свой дом и отправившись в большой мир, чтобы позвать помощь. Именно домовый рассказывает Паше историю дома, историю семьи. Кроме того, именно он придает этому дому уют, то есть добавляет ему то, что в соответствии с традиционной языковой картиной мира и делает дом домом. До прихода домового первой хозяйке это никак не удавалось:

*Дом, говорит, хороший, а жена молодая жалуется, что уюта нет. Мол, и занавесочки повесила в розовых цветочках, и кушетку в гостиной поставила, а все не то.*

Как и двери, окна тоже подчеркивают границы «своего» пространства, отделяют его от внешнего мира, однако если двери изображаются как источник возможностей, то окна репрезентируют идею защиты: оппозиция ‘опасность – защищенность’ коррелирует с оппозицией ‘холод – тепло’. Холод, зима – это не только время года, они приходят, когда уходят близкие. В частности, на похоронах бабушки именно холод заставляет Павла осознать потерю:

*Я закрываю глаза, и на меня надвигается что-то очень холодное, мне кажется, что с той стороны дует тонкий ледяной ветер – зимой так дует от окон. У бабушки не может быть такого холодного лба.*

Исчезновение мамы герои тоже осознают через призму этой оппозиции:

*А вдруг маму придется долго-долго искать, до зимы, например, да?*

Уход близких воспринимается Павлом как проникновение холода в дом, при этом мальчик понимает, что холоду надо сопротивляться, ведь он способен погубить и сам дом:

*И ведь впереди зима. Если зимой дом не топить, ему плохо будет, он у нас и так старый уже.*

Еще одна пространственная характеристика дома – потолок – появится в книге только после того, как дети попадут в приют:

*Я просыпаюсь каждое утро и думаю, что сейчас открою глаза и увижу наш темный дощатый потолок ... Но потолок надо мной белый. Мы с Гуль живем в приюте. ... Приют. Идиотская ситуация. Мы не нуждаемся в том, чтоб нас кто-то приютил. У нас есть свой дом.*

Так происходит переосмысление ценности старого дома: на смену снисходительно-пренебрежительному отношению приходит тоска по дому и понимание того, насколько он дорог

героям. Противопоставление «темный дощатый потолок» родного дома – белый, безликий потолок детского дома актуализирует еще одну важную оппозицию в структуре концепта дом: «уют – приют».

Возвращение домой становится главной мечтой Паши и Гули. Ни стены, ни окна, ни потолок Центра временного содержания не способны детям дать ощущения защищенности, которое давал им их дом. Здесь они чужие, несмотря на то что в Центре, казалось бы, сделано все, чтобы воспитанникам было уютно:

*Этот ЦВС, он – как тюрьма. Нет, конечно, тут решеток нет и стены расписаны весело: винни-пухами, смешариками, Лукоморьем...*

*Больше всего на свете я хочу жить дома. Моя главная цель в жизни – вернуться домой.*

И именно в этот момент читатель получает возможность взглянуть на дом глазами объективного посетителя – дальней родственницы, приехавшей в поисках возможной «добычи», но разочарованной состоянием дома:

*Слава богу, своими глазами посмотрела. Развалюха, не приведи господи. Полы ходуном ходят, из окон дует. Нашли тоже дуру: воду на горбу таскать, печку топить... Я-то думала – правда дом, а тут без удобств, без ничего.*

Таким образом, становится очевидно, что дом для Паши и Гули – это не столько жилище, здание, сколько близкое существо, семья. Неустроенность, плачевное состояние давно не отремонтированной постройки компенсируются в сознании Павла ощущением связи старого дома с ушедшими близкими и теми чувствами и эмоциями, которые мальчику дарит родной дом: душевный покой и надежда на создание новой семьи. Когда Гуля тяжело заболевает, Павел обращается за помощью к дому, и тот не подводит: мальчик обнаруживает новые двери для проникновения в дом и укрывается в нем от преследователей:

*Дом за спиной тихо прислушивался ко мне. Ему явно не хотелось, чтоб я бил окна.*

Подобно тому как в начале романа духовные качества героя можно было однозначно понять по его отношению к тряпичной кукле Ляльке, так теперь по отношению к старому дому Павел находит тех, кто может стать для него и Гули новой семьей. И таким по-настоящему близким для дома и ребят человеком оказываются не родные отцы героев и не их дальняя родственница, а совершенно чужая женщина, мать-одиночка, решившаяся не только усыновить брата и сестру, но и взять на себя ответственность за старый

дом. Ее не пугают бытовые трудности, и она решается на переезд из только что отремонтированной квартиры в дом, в котором нет ни центрального отопления, ни канализации.

Возникающие оппозиции «благоустроенная современная квартира – старый разваливающийся дом», «родные по крови люди, оказавшиеся духовно чуждыми, – родные по духу люди», «физический комфорт – духовный комфорт, домашний уют» актуализируют новые компоненты в структуре концепта дом: дом – место душевного покоя, защита от одиночества.

Возрождение дома показано через обращение к оппозиции «холод – тепло», а также через описание звуков и запахов, которые возвращаются в дом, подчеркивая, что он снова ожил:

*Дом, пока нас не было, как-то отсырел, в нем стало пахнуть мышами и пустотой. Только я еще видел, что в доме все по-прежнему, все на местах. Так что я первым делом притащил дрова и начал топить – чтобы стало сухо и тепло;*

*В нашем доме на чердаке лежат связки журналов чуть ли не за пятьдесят лет. В нашем доме пахнет масляной краской в комнате мамы, черносливом и медом в комнате бабушки, леденцами в комнате Гули, сушеным укропом на кухне, а когда топилась печи, пахнет дымком и осенними листьями. В нашем доме скрипят половицы, особенно в коридоре и бабушкиной комнате, и все время что-то шуришит: то ли это мыши шныряют, то ли старое дерево вздыхает, то ли Аристарх Модестович свои таинственные дела делает...*

Символом тепла становятся и оранжевые занавески на окнах обновленного дома:

*На одном окне – уже висит новая штора – цвета густого прозрачного меда и апельсиновых корок, цвета старого кирпича и огня в печи.*

Важно, что именно такие занавески выбрала в свое время и первая хозяйка этого дома, пытаясь создать атмосферу уюта. Этот пример не только воплощает идею цикличности времени, но и подчеркивает значимость сохранения традиций для дома и семьи. Финал текста – заблудившийся герой выбирается из снежного плена и возвращается домой – актуализирует связь дома и дороги: инициация героя завершена, он повзрослел, и символом этого взросления становится обретенная дорога к дому.

Таким образом, основное наполнение концепта дом в романе Д.Сабитовой связано с обретением подростком себя, осознанием своего места (дома) в этом мире. Для репрезентации этого со-

держания в романе использованы многочисленны́е оппозиции: уют (душевный покой родного дома) – приют (видимость уюта), двери (новые возможности) – окна (защита от внешнего мира), близкие люди – одиночество, тепло – холод, старое – новое, любовь к дому – формальные родственные связи.

Совсем иначе раскрывается концепт *дом* в повести Ирины Мышковой «Мальчики не плачут». Координаты дома здесь изначально гораздо шире, чем в романе Д.Сабитовой: это не только собственно дом, точнее квартира, где живет главный герой, но и весь его родной район. В отличие от Павла Леша и сам не может сказать, как он относится к этому месту:

*Я живу в Подмышке. Это район такой, на окраине города. Знаю, знаю, дурацкое название. Но ведь не я его придумал. И жить тут, уж конечно, тоже не я решил. Где родился, там и живу. Хотя вот спроси меня: в каком районе хотел бы жить? Да фиг знает. Ни в каком. Ну или в Подмышке, привык уже.*

Использование стилистически сниженной лексики – не только способ создания речевого портрета главного героя, но и выражение ключевой идеи концепта *дом* в повести И. Мышковой – несовпадение внешнего и внутреннего содержания, все оказывается обманчивым, ненастоящим: доскональное знание окрестностей дома дарит герою не чувство защищенности, а тоску от постоянного лицемерия одних и тех же объектов, ему все здесь надоело. Дворец творчества, где мальчик занимается в разных кружках и студиях, оказывается дворцом только по названию:

*На дворец он, конечно, мало похож. Может, он раньше настоящим дворцом был, а потом с него все украшения сняли, краску отколупали и вазы на колоннах побили? <...> Теперь ничего нет. Даже травы. Земля по бокам от дорожки – как пюре с комками в школьной столовой, и мусора полно.*

Таковыми же неуютными являются и школа, и родной дом мальчика. Но герой не стремится что-то изменить, он пассивно соглашается с решениями родителей и бабушки, его все устраивает, он ко всему привык и продолжает ходить в школу, которая находится через дорогу от дома. Таким образом, уже в самом начале повести устанавливается связь концептов *дом* и *дорога*.

Образ дома создается, как и в романе «Где нет зимы», на основе оппозиции ‘холод – тепло’, но в повести И. Мышковой холод – это характеристика дома, а не внешней среды:

*Так мне вдруг холодно стало – до костей пробрало. И не потому, что мокрый насквозь, а на улице мороз. А просто представил, что меня дома ждет. Аж руки затряслись.*

Дом для Леша – место, куда не хочется идти, причем настолько сильно не хочется, что он нередко думает:

*Вот если бы что-нибудь случилось срочно, что меня по-настоящему бы убило. И домой не надо было бы идти!*

Дом Леша наполнен громкими и неприятными звуками: криками, оскорблениями, руганью и ссорами.

Двери дома – источник опасности: из-за двери подъезда неожиданно появляется мама мальчика в тот момент, когда он еще не успел придумать, как объяснить свое опоздание, открытые двери в комнату мальчика – отражение тотального родительского контроля и отказа ему в праве на личное пространство, и, напротив, двери в его комнату закрывают в тот момент, когда ему очень нужна поддержка близких, словно подчеркивая его одиночество, отрезанность от остальных членов семьи:

*И дверью – хлопыть! От этого удара слезы моментально закончились. Как будто мама дверь не в комнату, а в меня захлопнула.*

Из всех пространственных координат дома единственно приятным местом для мальчика является папина подмышка, но он лишь однажды смог там оказаться:

*До сих пор помню. Папа на диване лежал, я рядом с ним. Он меня обнял одной рукой, и я весь у него под мышкой поместился. Пахло от него неприятно. Кислятиной какой-то. Но я просто старался в другую сторону дышать и не уходил. Потому что когда еще можно у папы в подмышке полежать, чтобы он не орал. И чтобы никто вообще не орал.*

После очередного скандала из-за того, что Лешу впервые позвали играть в снежки и он вернулся из школы позднее обычного, мальчик решает уйти из дома, вернее не возвращаться туда: герой слишком пассивен, чтобы выражать явное неповиновение, его уход – это не подростковый бунт, а попытка спрятаться от всех и отодвинуть момент наказания.

В результате герой оказывается на свалке, и читатель обнаруживает значительное сходство этого места с той самой папиной подмышкой, о которой так мечтал Леша: здесь тоже тихо, нет никаких звуков, тоже пахнет чем-то кислым (*Не воняет особо, так, попахивает неприятно*), но

на первый взгляд это сходство видимое: рядом с папой мальчик был спокоен и счастлив, он был в безопасности, а в яме на свалке он может погибнуть. Однако дальнейшее развитие событий показывает, что именно эта ситуация заставила всех взрослых членов семьи пересмотреть свои отношения и друг с другом, и с самим Лешей. Родные наконец осознали, как сильно они любят мальчика, не за оценки в школе, не за экзамен в музыкалке, а просто за то, что он есть. Символом происходящих изменений становится длинный коридор в квартире: герои по очереди проходят путь от входной двери до кухни, и этот путь является путем от одиночества и отстраненности к семье и душевному покою. В этом случае кухня отражает традиционные для нашей культуры представления о домашнем очаге, объединяющем всех членов семьи. Изменения происходят далеко не сразу: поначалу герои пытаются удержаться в рамках своего обычного поведения:

*Из коридора послышался хруст подминаемых тапочек и приближающееся ворчание. Оно нарастало, нарастало, как звук подходящего поезда, и наконец ворвалось на кухню целым градом упреков.*

Квартира наполняется грохотом падающих предметов: рушится на пол вешалка, с грохотом падает табуретка, разбивается чашка, «звонко ударив о паркет маленьким колокольчиком». Материальный мир квартиры рушится, подчеркивая духовную разруху, царящую в ней.

И в тот момент, когда кажется, что дом уже не спасти, герои находят свои «двери», ведущие к тому, что по-настоящему важно: мама «ныряет» в воспоминания через фотографию маленького сына:

*А Таня внезапно погналась за белым кроликом. Кролик был самым настоящим. То есть не фантазией, а рамочкой для фотографии. Беленький такой, с розовым носиком, он держал в лапках воздушный шарик, а внутри шарика за стеклом годовалый Лешка сидел в коляске и обнимал платикового Карлсона. Таня смотрела, смотрела на этого кролика, да и провалилась в нору, точно Алиса, перестав видеть и слышать все, что происходило на кухне.*

Отец мальчика тоже проваливается в прошлое и вспоминает о «единственной передышке в злости» – о той ситуации, когда сын лежал у него под мышкой и они вместе смотрели кино, однако это счастье было очень недолгим и больше никогда не повторилось:

*Облачко повисело-повисело, зацепившись за хрустальные капельки на люстре, да и растаяло*

*без остатка в районе окна.*

Окно не удержало облачко счастья, а позволило ему исчезнуть, подчинившись царящим в квартире злости и равнодушию к близким. И только отлупив сына ремнем, отец впервые испугался по-настоящему:

*<...> Олег увидел себя в коридоре с ремнем в руках перед дрожащим плачущим сыном. И тут вдруг эти слезы р-р-р-раз – расколдовали его!*

Отец осознал свою ответственность за семью, за жену и сына, но изменить что-либо не успел, отложив по привычке все на потом. Неслучайно это ключевое событие происходит в коридоре: герой делает первый шаг на пути к изменению.

В финале повести нет изображения счастливой семьи, есть лишь надежда, что герои смогут пройти свой путь к дому и обрести наконец счастье. И такой финал подчеркивает: путь к дому, к семье – это путь взросления, осознания своей ответственности перед близкими, и пройти этот путь должны все члены семьи. Только тогда квартира станет домом.

### Заключение

Проведенный анализ показал, что в произведениях для подростков традиционное наполнение концепта *дом* дополняется новыми смыслами: дом – это не что-то застывшее, единожды созданное и вечно существующее, его надо создавать, хранить, но, что особенно важно, его нужно обрести, найти свой путь к дому. Для репрезентации этого содержания концепт *дом* обогащается новыми оппозициями, не свойственными традиционной картине мира: истинное, искреннее – ложное, показное; внешнее – внутреннее. Инициация подростка проходит через осознание своего дома, но инициацию должны пройти и родители: им тоже необходимо измениться, чтобы сохранить дом и семью.

### Библиографический список

1. Анишкина Н. В. Лексическая экспликация концепта «красота» в современной рекламе // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. С. 87–92.
2. Анишкина Н. В. Языковые средства выражения оппозиции «свой – чужой» в современной литературе для подростков // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2017. С. 3–8.
3. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
4. Базылова Л. А. Лексема «дом» и ее дериваты как репрезентанты концепта «Дом» в русском и немецком языках // Вестник Тамбовского университе-

та. Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 11(79). С. 214–218.

5. Бобровник Л. А. Концепт «дом» в языковом сознании представителей различных лингвокультур // Вестник современных исследований. 2018. № 6.1 (21). С. 586–588.

6. Валеева Д. Р. Языковые реализации концепта «дом» в произведениях Л. Улицкой // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 1. С. 50–57.

7. Вахитов И. Р. Концепт «дом» в романе М. Петросян «Дом, в котором...» как индивидуально-авторский способ категоризации мира // Цифровая наука. 2021. № 5. С. 30–44.

8. Гапонова Ж. К. Репрезентация образа «девятиных» в современной подростковой прозе // Филология и культура. 2021. № 3 (65). С. 76–83.

9. Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. «Прививка» от беспамятства: репрезентация образа бабушки в литературе для детей и подростков // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: семейный дискурс русской и мировой литературы. Ярославль, 2020. С. 58–69.

10. Демченко Л. Н. Концепт «дом» в художественном произведении и особенности его интерпретации // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 52-3. С. 73–76.

11. Зимица М. В., Байкова А. С. Специфика ассоциативной составляющей концептов «home» и «дом» (на материале английского и русского языков) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2021. №2. С. 90–95.

12. Ключенкова Т. А. Концепт «дом» в рассказах Эрнеста Хемингуэя и Юрия Казакова: к постановке проблемы // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 24–35.

13. Матвеева Н. Е. Текстовая реализация концепта «дом» на примере текстов художественных произведений В. Распутина и В. Астафьева // Актуальные проблемы филологии. 2021. № 22. С. 360–367.

14. Мышкова И. Мальчики не плачут. Москва : Пять четвертей, 2021. 160 с.

15. Никкарева Е. В. Интернет-жанры в повествовательной организации современной российской прозы для подростков // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации. Сборник научных трудов. В 2-х томах / под общей редакцией Н. В. Анискиной, Л. В. Уховой. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2017. С. 77–84.

16. Никкарева Е. В. Репрезентация традиции «деревенской прозы» в современной литературе для детей (на материале повести Т. Михеевой «Лёгкие горы») // Творчество Фёдора Абрамова в контексте эпохи. Материалы Международной научной конференции «Братья и сёстры в русском доме: творчество Фёдора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX–XXI веков». Составитель, ответственный редактор Е. Ш. Галимова. Москва, 2020. С. 240–250.

17. Пономарева М. Г. Образы добродетельных и незадачливых родителей в русской литературе XVIII века // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: семейный дискурс русской и мировой литературы. Ярославль, 2020. С. 70–79.

18. Сабитова Д. Где нет зимы. Москва : Самокат, 2018. 240 с.

19. Стернин И. А., Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. Москва : АСТ: «Восток-Запад», 2007. 226 с.

20. Тимошенко С. А. Дом // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 6. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 269–289.

21. Ухова Л. В. Детская книга в эпоху конвергенции СМИ // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2017а. С. 156–161.

22. Ухова Л. В. Издание литературы для подростков как коммерческий проект // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2017б. С. 71–74.

23. Anderson, N. H. A Functional Theory of Cognition. Reprint. NY : Psychology Press, 2014. 512 p.

24. Barsalou L.W. Cognitive psychology: An overview for cognitive scientists. Hillsdale, NJ etc.: Lawrence Erlbaum, 1992.

25. The Contemporary Theory of Metaphor. URL: <https://terpconnect.umd.edu/~israel/lakoff-ConTheorMetaphor.pdf> (дата обращения: 23.11.2021).

#### Reference list

1. Anis'kina N. V. Leksicheskaia jeksplikacija koncepta «krasota» v sovremennoj reklame = Lexical explication of the concept «beauty» in modern advertising // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. 2016. № 2. S. 87–92.

2. Anis'kina N. V. Jazykovye sredstva vyrazhenija opozicii «svoj – chuzhoj» v sovremennoj literature dlja podrostkov = Linguistic means of expressing the opposition « friend – foe» in modern teenage literature // Kul'tura. Literatura. Jazyk: materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavl': Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo, 2017. S. 3–8.

3. Antologija konceptov = Anthology of concepts / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. T. 1. Volgograd: Paradigma, 2005. 352 s.

4. Bazylova L. A. Leksema «dom» i ee derivaty kak reprezentanty koncepta «Dom» v russkom i nemeckom jazykah = The lexeme «home» and its derivatives as representatives of the concept «Home» in Russian and German // Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Tambov, 2009. Vyp. 11(79). S. 214–218.

5. Bobrovnik L. A. Koncept «dom» v jazykovom soznanii predstavitelej razlichnyh lingvokul'tur = The concept «home» in the linguistic consciousness of different linguistic cultures // Vestnik sovremennyh issledovanij. 2018. № 6.1 (21). S. 586–588.



6. Valeeva D. R. Jazykovye realizacii koncepta «dom» v proizvedenijah L. Ulitskoj = Linguistic realization of the concept «home» in Ulitskaya's works // Izvestija Južnogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki. 2019. № 1. S. 50–57.
7. Vahitov I. R. Koncept «dom» v romane M. Petrosjan «Dom, v kotorom...» kak individual'no-avtorskij sposob kategorizacii mira = The concept «home» in M. Petrosyan's novel *The House in Which...* as an individual author's way of categorizing the world // Cifrovaja nauka. 2021. № 5. S. 30–44.
8. Gaponova Zh. K. Reprezentacija obraza «devjanostyh» v sovremennoj podrostkovoju proze = Representing the image of «the nineties» in modern teenage prose // Filologija i kul'tura. 2021. № 3 (65). S. 76–83.
9. Gaponova Zh. K., Nikkareva E. V. «Privivka» ot bespamjatstva: reprezentacija obraza babushki v literature dlja detej i podrostkov = «The vaccine» for forgetfulness: representing the image of a grandmother in books for children and teenagers // «Nezhdannij, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnij i utjut...»: semejnij diskurs ruskoj i mirovoj literatury. Jaroslavl', 2020. S. 58–69.
10. Demchenko L. N. Koncept «dom» v hudožestvennom proizvedenii i osobennosti ego interpretacii The concept «home» in a literary work and specifics of its interpretation // Tendencii razvitiya nauki i obrazovanija. 2019. № 52-3. S. 73–76.
11. Zimina M. V., Bajkova A. S. Specifika asociativnoj sostavljajushhej konceptov «home» i «dom» (na materiale anglijskogo i ruskojazykov) = Specifics of the associative component in the concepts «home» and «dom» in the English and Russian languages // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek v sovremennoj mire. 2021. № 2. S. 90–95.
12. Kljushenkova T. A. Koncept «dom» v rasskazah Jernesta Hemingueja i Jurija Kazakova: k postanovke problemy = The concept «home» in the stories by Ernest Hemingway and Yury Kazakov: formulating the problem // Imagologija i komparativistika. 2017. № 8. S. 24–35.
13. Matveeva N. E. Tekstovaja realizacija koncepta «dom» na primere tekstov hudožestvennyh proizvedenij V. Rasputina i V. Astaf'eva = Textual realization of the concept «home» in the texts of Rasputin and V. Astafyev's works // Aktual'nye problemy filologii. 2021. № 22. S. 360–367.
14. Myshkovaja I. Mal'chiki ne plachut. = Boys do not cry. Moskva : Pjat' chetvertej, 2021. 160 s.
15. Nikkareva E. V. Internet-zhanry v povestvovatel'noj organizacii sovremennoj ruskoj prozy dlja podrostkov = Internet genres in the narrative structure of contemporary Russian prose for teenagers // Chelovek v informacionnom prostranstve: ponimanie v kommunikacii. Sbornik nauchnyh trudov. V 2-h tomah / pod obshhej redakciej N. V. Anis'kinov, L. V. Uhojov. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2017. S. 77–84.
16. Nikkareva E. V. Reprezentacija tradicii «derevenskoj prozy» v sovremennoj literature dlja detej (na materiale povesti T. Miheevoj «Ljogkie gory») = Presenting the tradition of the «village prose» in modern literature for children (based on T. Mikheeva's story «Easy Mountains») // Tvorčestvo Fjodora Abramova v kontekste jepohi. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Brat'ja i sjostry v ruskom dome: tvorčestvo Fjodora Abramova v kontekste literaturnoj i obshhestvennoj zhizni HH–HHI vekov». Sostavitel', otvetstvennyj redaktor E. Sh. Galimova. Moskva, 2020. S. 240–250.
17. Ponomareva M. G. Obrazy dobrodetel'nyh i nezadachlivyh roditel'ej v ruskoj literature XVIII veka = Images of virtuous and hapless parents in XVIII century Russian literature // «Nezhdannij, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnij i utjut...»: semejnij diskurs ruskoj i mirovoj literatury. Jaroslavl', 2020. S. 70–79.
18. Sabitova D. Gde net zimy. = Where there is no winter. Moskva : Samokat, 2018. 240 s.
19. Sternin I. A., Popova Z. D. Kognitivnaja lingvistika = Cognitive linguistics. Moskva : «AST: «Vostok-Zapad»», 2007. 226 s.
20. Timoshhenko S. A. Dom = Home // Antologija konceptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. T. 6. Volgograd : Paradigma, 2007. S. 269–289.
21. Uhova L. V. Detskaja kniga v jepohu konvergencii SMI = Children's books at the time of media convergence // Kul'tura. Literatura. Jazyk: materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. K.D. Ushinskogo. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2017a. S. 156–161.
22. Uhova L. V. Izdanie literatury dlja podrostkov kak kommerčeskij proekta = Publishing teenage literature as a commercial project // Brending kak komunikativnaja tehnologija XXI veka: materialy III Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Moskva, 2017b. S. 71–74.
23. Anderson N. H. A Functional Theory of Cognition. Reprint. NY : Psychology Press, 2014. 512 p.
24. Barsalou L.W. Cognitive psychology: An overview for cognitive scientists. Hillsdale, NJ etc.: Lawrence Erlbaum, 1992.
25. The Contemporary Theory of Metaphor. URL: <https://terpconnect.umd.edu/~israel/lakoff-ConTheorMetaphor.pdf> (data obrashhenija: 23.11.2021).

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 13.03.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022